

ПЕПЕЛ и ИНЕЙ

Дыхание двух миров

ВАЛЕНТИНА
САЛЖКОВА

Валентина Садыкова
«Пепел и Иней:
Дыхание двух миров»

<https://litres.ru/74001088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империя Срединных Земель, где северные границы — это бесконечные заснеженные чащи (славянский колорит), а южные — цветущие сады и высокие пагоды, стоящие на скалах (азиатский колорит). Граница между ними — Великий Хребет, по которому течет «Река Забвения».

Содержание

Глава	4
Часть I: Осколки льда	5
Глава 1: Шепот под снегом	5
Глава 2: Гость из-за Хребта	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

«Пепел и Иней: Дыхание двух миров»

Глава

Часть I: Осколки льда

Глава 1: Шепот под снегом

Зима в Верховине не приходила — она возвращалась домой, как суровая, давно не выдававшая ласки хозяйка. Она заваливала избы по самые стрехи тяжелым, сизым снегом, выла в печных трубах на три голоса и превращала вековые ели в безмолвных, сгорбленных стариков. В такие дни люди забивались на печи, жгли лучину и молились, чтобы Хозяин Леса не постучал в оконце обледенелым сучком.

Яра не молилась. Молитва — это удел тех, у кого есть время ждать ответа.

Она поправила ремень тяжелого тисового лука, перекинутого через плечо, и глубже увязала в сугробе. Снегоступы, сплетенные из ивовых прутьев и лосиных жил, глухо поскрипывали. Каждое дыхание вырывалось изо рта густым белым облаком, тут же оседая инеем на меховой опушке капюшона и на кончиках темно-русых волос, выбившихся из-под шапки.

Ей было девятнадцать, и половину этих лет она провела, выслеживая то, о чем в деревнях предпочитали шептаться только при зажженной свече. Шепотные тени, хтонические твари, выползающие из лесных провалин, когда солнце ка-

тилось за Великий Хребет — вот была её дичь. Настоящая охотница на тени не боялась холода. Она сама была холодом.

Но сегодня Лес вел себя странно.

Воздух сделался густым, приторно-сладким, совсем не похожим на привычный горьковатый запах прелой хвои и морозного затишья. Яра остановилась, прижавшись спиной к стволу старой сосны. Кора дерева под её рукой едва заметно вздрогнула. На Севере знали: у деревьев есть лица, просто они поворачиваются ими к людям лишь тогда, когда уходят грунтовые воды или когда пахнет чужой кровью.

Сейчас пахло кровью. Но не звериной и не человеческой из здешних мест.

— Тихо вы, — цыкнула Яра на сорочий гам, поднявшийся над головой. Птицы словно взбесились, кружа над старым малинником, занесенным снегом так, что тот казался застывшими волнами белого моря.

Она сняла с рукавицы костяное кольцо, освобождая указательный палец, и потянулась к ножу на поясе. Рукоять из оленьего рога привычно легла в ладонь, согревая кожу. Шаг. Еще один. Снег под ногами не просто хрустел — он словно стонал, прогибаясь под её весом.

В самой глубине малинника, среди сломанных, почерневших веток, лежало что-то яркое. В славянском пограничье не носили таких цветов. Это был шелк — плотный, тяжелый, цвета спелой брусники, смешанной с золотом. Но сейчас этот шелк был разорван в клочья, испачкан болотной жижей и бу-

рыми, подсыхающими пятнами.

Яра присела на корточки, держа нож наготове. Из-под во-роха ткани виднелась человеческая фигура.

Юноша. Чужак.

Его лицо было бледным, почти прозрачным, словно выто-ченным из речного льда. У него были странные, тонкие чер-ты — совсем не такие, как у широкоскулых, бородатых пар-ней из её родного посада. Длинные, прямые волосы цвета во-ронова крыла разметались по снегу, вмерзая в него тонкими прядями. Но самым удивительным был запах. От парня пах-ло сухими цветами. Не здешним вереском или медуницей, а чем-то далеким, душным, сладким... Бабка когда-то при-возила с южного торгоа сушеные лепестки, называя их «саку-рой».

«Принц из-за Хребта», — промелькнуло в голове у Яры. — «Как тебя сюда занесло, горемычного? Смерти ищешь?»

Она потянулась рукой к его шее, чтобы проверить, бьется ли жилка. Пальцы в грубой кожаной обмотке коснулись его кожи. Юноша был ледяным, но стоило Яре прижать ладонь к его ключице, как под её пальцами словно пробежала искра. Горячая, злая, чужая.

Парень резко открыл глаза.

Яра едва не отпрянула. Глаза у него были не синие, не се-рые, как у всех лешаков или людей Севера, а темные, глубо-кие, как настой крепкого чая, без единой искры тепла. В этих зрачках не отражался зимний лес. В них, казалось, колыха-

лись тени огромных, незнакомых Яре строений с загнутыми к небу крышами.

Он судорожно вздохнул, и этот вздох отозвался в его груди тяжелым, влажным хрипом. Его пальцы — длинные, с ухоженными, ровными ногтями, совсем не знавшими топора или сохи — вцепились в рукав её волчьей шубы.

— На... на-му... — прошелестел он. Слова были круглыми, гладкими, скользящими, словно речная галька. Язык южных династий. Яра знала лишь пару слов, которые выкрикивали купцы на ярмарках, когда их пытались обсчитать.

— Молчи, — строго сказала она, перехватывая его запястье. Рука у него была узкой, но хватка оказалась неожиданно цепкой, почти отчаянной. — Молчи, не то духи услышат. Твой южный говор для здешних леших — как красная тряпка для быка.

Юноша не понял слов, но уловил интонацию. Его веки задрожали и снова опустились. Хватка на её рукаве ослабла, рука безвольно упала на снег.

Яра выругалась про себя. Горько, размашисто, как учил отец.

Оставить его здесь? Лес заберет его до заката. Земля в этих местах не любила чужаков, особенно тех, кто приносил с собой запах южного огня. К вечеру его плоть превратилась бы в подкормку для корней, а дух стал бы еще одной безликой тенью, воющей на луну. По закону общины, чужаков следовало сдавать старосте или вовсе обходить стороной — це-

лее будешь. Южане и северяне жили в хрупком мире, разделенные Великим Хребтом, и каждый, кто пересекал границу без торговой грамоты, считался шпионом или проклятым.

Но Яра посмотрела на его разбитые губы, на тонкую ниточку крови, замерзшую на подбородке, и что-то внутри неё — то, что она так тщательно выжигал из себя годами охоты — глухо ворохнулось. Резону возиться с ним не было никакого. Одно сплошное горе.

— И за какие грехи мне это? — проворчала она, поднимаясь.

Она подцепила парня под мышки. Он оказался на удивление легким, словно его кости были полыми, как у птицы. Южный шелк скользил в руках, снег забивался под его тонкие одежды. Напрягая жилы, Яра потащила его в сторону своей заимки — маленькой, скрытой в буреломе полуземлянки, о которой не знали даже в деревне.

Лес вокруг них зашевелился. Ветви сосен потянулись вниз под тяжестью внезапно потяжелевшего снега, а за спиной, где осталась кровавая лунка, раздался долгий, протяжный хруст. Словно кто-то огромный перешагнул через поваленную лесину, выслеживая добычу по запаху чужих, южных цветов.

Глава 2: Гость из-за Хребта

Заимка встретила их запахом сухой полыни, дегтя и остывшей печи. Здесь было тесно: низкий бревенчатый потолок, широкая лавка, застеленная медвежьей шкурой, и небольшая глинобитная печурка-каменка в углу.

Яра сгрузила юношу на лавку. Он не приходил в сознание, лишь изредка вздрагивал, когда его тело начинал бить крупный, неудержимый озноб. Лихорадка — худшее, что могло случиться с южанином на Севере. Их изнеженная кровь просто застывала в жилах.

Она быстро растопила печь. Береста вспыхнула ярким, веселым пламенем, поджигая сухие сосновые чурки. По углам запрыгали длинные тени. Когда в избушке немного потеплело, Яра вернулась к лавке. Нужно было снять с него мокрую, обледеневшую одежду, иначе он просто сгниет заживо от холода.

Её пальцы нерешительно замерли над золотыми застежками его кафтана. Застежки были сделаны в виде извивающихся змей — или драконов, как их там кличут на Юге.

— Ну, прости, принц. Чести у нас тут мало, зато выжить хочется, — пробормотала она и решительно потянула за шелк.

Под богатыми одеждами скрывалось тело, покрытое... рисунками. Это были не те грубые татуировки-обереги, кото-

рые набивали себе северные охотники против медведей. Это была настоящая живопись. По его бледной груди, переплетаясь с тонкими шрамами от клинков, поднимались черные и огненно-рыжие чернила. Дракон, кусающий собственный хвост, и странные знаки, похожие на домики или птичьи следы. Иероглифы.

Но внимание Яры привлекло другое. На его левом плече горело глубокое, воспаленное клеймо. Кожа вокруг него потемнела, налилась дурной, синеватой кровью. Из раны явно тянуло болотным гнильем.

«Шепотная тварь зацепила», — поняла Яра, и холодок прошел у неё по спине. — «Не просто замерз. Его травили».

Она набрала в глиняный ковш талой воды из кадки, бросила туда горсть сушеной калгановой травы и повесила над огнем. Пока отвар закипал, чужак зашевелился. Его ресницы дрогнули, и он снова открыл глаза. На этот раз в них не было прежней пустоты — в них читался чистый, незамутненный страх.

Он попытался резко сесть, но тут же вскрикнул, схватившись за раненое плечо, и повалился обратно на шкуру. Его взгляд заметался по тесной избушке: закопченные стены, пучки сухих трав под потолком, грубый деревянный стол и... она. Девушка в мужских штанах из лосиной кожи, с растрепанной косой и ножом на бедре.

— Кха... Кхэ-э... — выдавил он. Его горло пересохло.

Яра подошла ближе, держа в руках деревянную кружку с

теплой водой. — На, пей. Орать не надо. Здесь тебя никто не съест. По крайней мере, пока я тут.

Он посмотрел на кружку так, словно в ней был яд. На Юге, верно, привыкли к изящным фарфоровым чашам, а тут — грубая липа, пахнущая дегтем. Но жажда оказалась сильнее гордости. Он протянул дрожащие руки, взял кружку и сделал несколько жадных глотков. Часть воды пролилась ему на грудь, заставив татуированного дракона «заблестеть».

— Кэнь, — тихо сказал он, возвращая кружку. Он ткнул себя пальцем в грудь. — Меня зовут Кэнь.

— Яра, — коротко бросила она, забирая посуду. — И ты, Кэнь, попал в очень плотное дерьмо. Понимаешь меня? Дерьмо. Снег. Холод. Смерть.

Кэнь нахмурился. Он явно не понимал слов, но общая картина была ясна. Он осмотрел свои обнаженные руки, коснулся повязки, которую Яра уже успела наложить на его рану, и тихо, горько вздохнул. Его плечи опустились. Вся его напускная величественность, которая сквозила даже в том, как он держал кружку, испарилась. Перед ней сидел просто мальчишка. Может, на год или два старше её самой. Напуганный, израненный и бесконечно далекий от своего дома.

— Как ты Хребет-то перешел? — тише спросила Яра, садясь на табурет напротив. — Там же заставы. И чертовщина всякая. Вас, южан, там ловят и...

Кэнь покачал головой. Он вытянул руку вперед, растопырив пальцы, а затем резко сжал их в кулак, имитируя взрыв

или удар. Потом указал на свое плечо, где горело клеймо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.